СВОБОДА В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА И ВНУТРЕННЕГО ОСВОБОЖДЕНИЯ В КНИГЕ ЭДИТ ЕВЫ ЭГЕР “ВЫБОР”

Цимитрас Диана
студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института
научный руководитель Урунова Фируза Хайдаровна
преподаватель Самаркандского
государственного педагогического института

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы свободы и выбора в автобиографической книге Эдит Евы Эгер «Выбор». Особое внимание уделяется парадоксальному соотношению внешней несвободы и внутренней свободы личности. На материале воспоминаний автора о пребывании в Аушвице, послевоенной жизни и многолетнем процессе осмысления травматического опыта рассматривается изменение представлений героини о свободе. Показано, что в повествовании Эгер свобода не сводится к физическому освобождению из концентрационного лагеря: она предполагает более длительный процесс освобождения от страха, чувства вины, подавленной памяти и зависимости от прошлого. Особое значение приобретает категория выбора, которая в книге становится связующим принципом между прошлым и настоящим. Анализируются мотивы памяти, вины, травмы, прощения и возвращения в пространство прошлого. Рассматривается композиционная организация книги, основанная на движении от «тюрьмы» через «побег» и «свободу» к «исцелению». Делается вывод о том, что внутреннее освобождение у Эгер представляет собой не забвение пережитого, а изменение отношения к нему и возвращение человеку способности самостоятельно определять собственное настоящее.

Ключевые слова: Эдит Ева Эгер, «Выбор», свобода, выбор, несвобода, Холокост, память, травма, вина, прощение, внутреннее освобождение, автобиографическая проза.

Проблема свободы приобретает особую остроту тогда, когда речь идёт о человеке, находящемся в условиях предельной несвободы. Именно в такой ситуации оказывается Эдит Ева Эгер — шестнадцатилетняя девушка, отправленная в 1944 году вместе с семьёй в Аушвиц. Её книга «Выбор» представляет собой не только воспоминание о пережитом в годы Холокоста, но и длительное осмысление того, каким образом человек продолжает жить после

катастрофического опыта. Уже сама композиция книги показывает движение от физического заключения к постепенному внутреннему освобождению: первая часть называется «Тюрьма», за ней следуют «Побег», «Свобода» и «Исцеление» [1, с. 17–18]. Такое построение позволяет рассматривать произведение не только как свидетельство исторической катастрофы, но и как повествование о трансформации представления человека о свободе.

В начале книги свобода существует прежде всего как внешняя противоположность заключению. Героиня оказывается в пространстве, где практически все привычные основания человеческого существования уничтожены. У неё отнимают дом, привычный образ жизни, безопасность, возможность свободно передвигаться и самостоятельно распоряжаться собственной судьбой. Однако именно в этих обстоятельствах возникает центральный для всей книги вопрос: если внешняя свобода практически полностью уничтожена, сохраняется ли у человека хотя бы минимальная возможность выбора? Ответ Эгер не сводится к простому утверждению, будто человек способен контролировать любую ситуацию. Напротив, повествование постоянно подчёркивает огромную силу обстоятельств, но одновременно показывает, что даже в них существует определённое пространство внутреннего решения.

В этом отношении особенно важна сцена прибытия в Аушвиц и встречи с Йозефом Менгеле. Эгер оказывается перед ситуацией, в которой её возможности практически полностью определяются чужой волей. Решения, принимаемые нацистскими властями, определяют, кто будет жить, кто погибнет, кто будет работать и кто окажется уничтожен. Наиболее трагическим становится воспоминание о матери, с которой Эдит была разлучена практически сразу после прибытия. Именно это событие впоследствии становится одним из источников мучительного чувства вины, поскольку взрослая Эгер долгие годы возвращается к вопросу о том, могла ли она своим ответом изменить судьбу матери. В дальнейшем именно этот эпизод оказывается связан с наиболее сложным пониманием слова «выбор».

Таким образом, проблема выбора в книге возникает одновременно в двух временных перспективах. В момент самой катастрофы шестнадцатилетняя девушка не располагает всей информацией о происходящем и не может оценить последствия каждого своего слова или действия. Впоследствии же взрослая женщина возвращается к этому событию уже с совершенно другим знанием. Прошлое начинает восприниматься как пространство потенциально иных возможностей: героиня задаёт себе вопрос, могла ли она поступить иначе. Однако именно здесь возникает важное различие между реальным выбором и ретроспективным представлением о выборе.

Эта проблема приобретает особое значение для структуры книги. Эгер не просто перечисляет события прошлого, а постоянно возвращается к ним из настоящего. Поэтому повествование строится на взаимодействии двух временных планов: времени переживания и времени осмысления. В первом случае героиня действует внутри ситуации, не зная её полного смысла; во втором — пытается понять, почему продолжает возвращаться к ней спустя десятилетия. Исследование Б. Джосси и Р. Хема Латы обращает внимание именно на связь памяти и времени в книге Эгер: авторы рассматривают травматический опыт как процесс, последствия которого продолжают воздействовать на человека далеко после завершения самого события [2, с. 23–24].

Из этого естественно вытекает проблема памяти. В «Выборе» память не является нейтральным хранилищем фактов. Она становится пространством, в котором продолжается борьба между прошлым и настоящим. Сама Эгер определяет память как особую территорию, связанную с гневом, скорбью и чувством вины [1, с. 20–21]. Поэтому физическое освобождение из лагеря ещё не означает окончательного освобождения человека. Внешняя граница лагеря может быть преодолена, но пережитое продолжает существовать внутри личности.

Именно здесь понятие несвободы приобретает второй смысл. Если в Аушвице несвобода является физической и политической, то после освобождения она становится психологической. Эгер покидает пространство лагеря, создаёт семью, переезжает в другую страну, получает образование и становится психологом, однако прошлое не исчезает. Оно возвращается через воспоминания, страх, чувство вины и повторяющиеся переживания. Поэтому освобождение оказывается процессом, а не единичным событием.

Подобное понимание травматической памяти соотносится с концепцией Кэти Карут, согласно которой травматический опыт не всегда может быть полностью осмыслен непосредственно в момент его возникновения и способен возвращаться к человеку позднее [3, с. 4]. Для Эгер это возвращение выражается не только в воспоминании о самом лагере, но и в повторном переживании собственной ответственности за события, которые произошли с её близкими. В результате прошлое продолжает воздействовать на настоящее не потому, что его невозможно вспомнить, а потому, что его смысл ещё не был окончательно принят самой героиней.

Отсюда проблема памяти переходит в проблему вины. Одной из наиболее драматичных линий книги становится чувство вины Эгер за смерть матери. Она возвращается к моменту селекции и мысленно пытается изменить собственный ответ. Возникает парадоксальная ситуация: человек обвиняет себя в поступке, совершённом в обстоятельствах, в которых он не обладал ни достаточной

информацией, ни реальной властью над происходящим. Именно поэтому ретроспективный выбор оказывается психологической ловушкой. Взрослая Эгер знает последствия, которых не могла знать шестнадцатилетняя девушка.

Керстин Шандс, анализируя книгу Эгер, подчёркивает значение именно этого эпизода для авторского понимания выбора. Исследовательница показывает, что Эгер долгие годы воспринимала свой ответ Менгеле как личную вину, хотя объективно юная девушка не могла понимать всех последствий вопроса и происходившей селекции [4]. В результате понятие выбора в книге приобретает двойственное значение: выбор может быть реальным, но ответственность за него нельзя автоматически переносить на человека, если сам выбор был сделан в условиях крайнего принуждения и отсутствия необходимой информации.

Эта особенность позволяет избежать упрощённого понимания основной идеи книги. Утверждение о свободе выбора у Эгер не означает, что человек ответствен за всё, что с ним произошло. Напротив, книга чётко разделяет событие травмы и последующее отношение к нему. Человек не выбирает факт насилия, войны, преследования или потери близких. Однако в дальнейшем он может в определённой степени выбирать, какое место пережитое событие будет занимать в его настоящем. Именно здесь возникает переход от внешней несвободы к внутреннему освобождению.

Важную роль в этом процессе играет структура книги. После части «Тюрьма» появляется «Побег», но побег не следует понимать только как физическое освобождение из концентрационного лагеря. Уже сама последовательность частей показывает, что между физическим освобождением и настоящей свободой существует определённая дистанция. Эгер должна пройти ещё через память, страх, семейную жизнь, профессиональную деятельность и возвращение к прошлому. Поэтому «Побег» становится промежуточным этапом, а не конечным результатом [1, с. 97–98].

Такой композиционный переход закономерно приводит к части «Свобода». Здесь меняется не только содержание повествования, но и его смысловой центр. Если в первой части свобода воспринимается как отсутствие физического принуждения, то впоследствии она начинает связываться с внутренним состоянием человека. В книге появляется мысль о том, что человек может продолжать находиться в своеобразной внутренней тюрьме даже после того, как внешняя угроза исчезла. Именно поэтому свобода становится не просто историческим фактом освобождения лагеря, а результатом длительной работы личности над собственным прошлым [1, с. 127–128].

Так проблема свободы постепенно соединяется с проблемой настоящего. Эгер приходит к мысли, что постоянное пребывание в прошлом также может

стать формой несвободы. Если человек бесконечно возвращается к вопросу о том, что он мог сделать иначе, он начинает существовать в мире альтернативного прошлого. Но изменить прошлое невозможно. Поэтому реальный выбор переносится из прошлого в настоящее. В книге подчёркивается связь свободы с умением жить в настоящем, а не бесконечно оставаться в пространстве уже завершившихся событий [1, с. 130–132].

Эта мысль особенно важна для понимания названия книги. «Выбор» — это не только конкретные решения, которые Эгер принимала в разные периоды жизни. Это принцип, через который организуется всё повествование. Героиня постепенно переходит от вопроса «что я могла сделать тогда?» к вопросу «что я могу сделать сейчас?». Такое изменение вопроса имеет принципиальное значение. В первом случае человек пытается получить власть над прошлым, которое уже не подлежит изменению; во втором — возвращает себе способность действовать в настоящем.

Именно здесь внутреннее освобождение оказывается связано с принятием. Принять случившееся в концепции Эгер не означает оправдать преступление или согласиться с несправедливостью. Напротив, речь идёт о признании факта, что прошлое уже произошло и не может быть переписано. Пока человек продолжает бороться с самим фактом прошлого, оно сохраняет власть над настоящим. Принятие позволяет изменить не событие, а отношение к нему.

Такой подход соответствует и общей логике травматической теории. Джудит Герман связывает восстановление после травмы с возвращением человеку чувства власти и контроля над собственной жизнью [5, с. 133]. В случае Эгер этот процесс особенно сложен, поскольку первоначальная травма была связана именно с тотальным лишением контроля. Концентрационный лагерь представлял собой пространство, где решения о жизни и смерти принимались другими. Поэтому последующее внутреннее освобождение может быть понято как постепенное возвращение способности самостоятельно определять свою жизнь.

Отсюда становится понятным значение профессиональной деятельности Эгер. После войны она не ограничивается попыткой забыть прошлое. Напротив, постепенно становится психологом и начинает работать с людьми, переживающими собственные кризисы и травмы. Вторая половина книги поэтому построена не только как продолжение автобиографии, но и как переход от личного опыта к опыту других людей. История самой Эгер становится основой для разговора о том, что внутренние «тюрьмы» могут существовать и в жизни людей, не переживших концентрационный лагерь.

Этот переход чрезвычайно важен с точки зрения жанра. «Выбор» не является классическими мемуарами, сосредоточенными исключительно на

историческом прошлом. В книге соединяются автобиографическое повествование, свидетельство и психологическое осмысление. Официальное описание книги также подчёркивает, что Эгер соединяет собственную историю выживания с историями пациентов, которых она помогала лечить, рассматривая свободу как возможность освобождения от травмы, страха и горя [6].

Поэтому личная история постепенно приобретает универсальный смысл. Эгер не утверждает, что опыт каждого человека идентичен опыту пережившего Холокост. Напротив, её повествование сохраняет уникальность катастрофы. Однако она показывает, что механизм внутренней несвободы может возникать и в других обстоятельствах: человек может быть связан страхом, чувством вины, обидой, зависимостью от прошлого или убеждением, что он не способен ничего изменить.

В этом контексте особенно важным становится мотив «внутренней тюрьмы». Сначала тюрьма в книге является буквальным местом — концентрационным лагерем. Затем значение этого образа расширяется. После освобождения Эгер обнаруживает, что человек способен продолжать жить так, будто заключение ещё не закончилось. Страх может сохраняться, даже когда непосредственной опасности больше нет; чувство вины может продолжать существовать, хотя событие произошло десятилетия назад; воспоминание может превращаться в источник постоянного внутреннего наказания.

Именно поэтому исцеление в книге не сводится к забвению. Эгер не предлагает стереть память о прошлом. Напротив, возвращение к памяти становится необходимой частью освобождения. Память должна перестать быть пространством бесконечного самообвинения и превратиться в пространство осмысления. В этом отношении книга вступает в диалог с концепцией свидетельства: рассказ о травме не просто сообщает о событии, но позволяет заново установить связь между пережитым прошлым и настоящим. Шошана Фельман и Дори Лауб подчёркивают, что свидетельство предполагает особые отношения между пережившим травму и слушателем, поскольку рассказ делает пережитое доступным другому человеку [7, с. 57].

Для Эгер сам акт рассказывания оказывается частью освобождения. В течение долгого времени она предпочитает молчать о пережитом. Однако молчание не уничтожает прошлое. Оно лишь оставляет его внутри человека в неосмысленном виде. Постепенное превращение личной памяти в рассказ позволяет Эгер не просто вспомнить, но и переопределить своё отношение к собственной истории.

В результате мотив речи естественно переходит в мотив прощения. Одним из важнейших этапов внутреннего освобождения становится возвращение Эгер в Аушвиц спустя десятилетия после войны. Это возвращение принципиально

отличается от обычного воспоминания. Героиня физически возвращается туда, где произошло наиболее страшное событие её жизни, чтобы столкнуться с прошлым уже в качестве взрослого человека. В повествовании подчёркивается, что изменить прошлое невозможно, но можно изменить своё отношение к нему [8].

Особенно значимым оказывается прощение самой себя. В этом отношении книга предлагает более сложную модель прощения, чем простое примирение с прошлым. Эгер не оправдывает преступников и не ставит знак равенства между жертвой и агрессором. Её задача заключается в освобождении от собственной внутренней зависимости от пережитого. Именно поэтому прощение становится формой возвращения субъектности.

Отсюда закономерно возникает вопрос: можно ли назвать такое освобождение окончательным? Сама книга не даёт оснований для однозначного ответа. Эгер показывает, что последствия травмы могут возвращаться спустя много лет. Даже после профессионального становления и внешне благополучной жизни прошлое продолжает напоминать о себе. Поэтому свобода представляется не как состояние, однажды достигнутое и больше никогда не утраченное, а как продолжающийся процесс.

Исследование Б. Джосси и Р. Хема Латы также подчёркивает именно процессуальный характер исцеления в книге. Авторы приходят к выводу, что время само по себе не устраняет последствия травмы: необходима активная работа личности, связанная с изменением отношения к пережитому и с новым выбором [2, с. 26–28]. Таким образом, временная дистанция между событием и настоящим не гарантирует освобождения. Прошлое может сохранять власть над человеком до тех пор, пока оно не будет осмыслено.

Эта мысль позволяет по-новому интерпретировать и вторую часть названия книги — «О свободе и внутренней силе человека». Внутренняя сила у Эгер не означает отсутствие боли или абсолютную психологическую устойчивость. Напротив, героиня признаёт наличие страха, гнева, чувства вины и травматических воспоминаний. Сила проявляется в способности продолжать действовать несмотря на их существование. Поэтому внутреннее освобождение не означает уничтожения прошлого, а означает отказ от его абсолютной власти над настоящим.

Так постепенно раскрывается и центральный парадокс книги. Эгер пережила ситуацию, в которой выбор был максимально ограничен, но именно опыт несвободы привёл её к наиболее глубокому осмыслению выбора. В Аушвице она не могла самостоятельно определить основные условия своего существования. После войны она получила физическую свободу, но обнаружила, что внутреннее освобождение требует гораздо большего времени. Таким

образом, книга показывает два различных измерения свободы: свободу от внешнего принуждения и свободу от внутреннего господства прошлого.

Именно их различие определяет движение всего произведения. «Тюрьма» соответствует внешней несвободе, «Побег» — физическому освобождению, «Свобода» — осознанию возможности внутреннего выбора, а «Исцеление» — попытке сделать эту свободу частью повседневного существования [1, с. 17–18; 97–98; 127–128; 295–296]. Такая композиция превращает биографическую историю в последовательное исследование изменения личности.

При этом Эгер не отрицает значения обстоятельств. Человек не может просто решить, что он больше не травмирован, и мгновенно освободиться от последствий пережитого. Поэтому идея выбора в книге не должна пониматься как утверждение абсолютного контроля над собственной психикой. Напротив, автор показывает длительность и сложность внутренней работы. Свобода предполагает не приказ себе «забыть», а способность постепенно изменить отношения с тем, что забыть невозможно.

В этом отношении особенно важен переход от вопроса о прошлом к вопросу о будущем. Пока Эгер постоянно возвращается к тому, что могла сделать иначе, настоящее остаётся подчинено прошлому. Когда же она начинает спрашивать себя, что может сделать теперь, появляется пространство действия. Именно здесь выбор становится основой внутренней свободы. Человек не получает возможности переписать биографию, но получает возможность определить, как будет жить дальше.

Такой подход позволяет рассматривать книгу и как произведение о восстановлении субъектности. В условиях лагеря Эгер становится объектом решений других людей. В последующей жизни она постепенно возвращает себе роль субъекта собственной истории. Сначала это происходит через выживание, затем через создание семьи и профессиональную деятельность, а позднее — через обращение к собственному прошлому и его проговаривание.

Особенно важно, что автор не ограничивается собственной историей. Рассказывая о пациентах, она показывает разные формы внутренней несвободы. Это расширяет значение первоначального опыта и позволяет увидеть в книге переход от индивидуальной автобиографии к размышлению о природе человеческого выбора. Эгер фактически предлагает читателю задать себе тот же вопрос, который постепенно становится центральным для её собственной жизни: что человек способен изменить в настоящем, если прошлое уже изменить невозможно?

Таким образом, «Выбор» строится не вокруг идеи забвения, а вокруг идеи переосмысления. Прошлое остаётся частью личности, но перестаёт быть единственным определяющим фактором её настоящего. Память не

уничтожается, а приобретает другое значение. Вина не исчезает мгновенно, но подвергается пересмотру. Освобождение не отменяет травму, но позволяет человеку перестать воспринимать себя исключительно через неё.

Именно поэтому книга Эдит Евы Эгер представляет интерес не только как документальное свидетельство о Холокосте, но и как произведение о сложном пути личности от внешней несвободы к внутреннему самоопределению. Историческая катастрофа становится исходной точкой повествования, однако его смысловое движение продолжается далеко за пределами лагеря. В центре оказывается вопрос о том, что происходит с человеком после того, как физическая опасность исчезает, но её последствия остаются в памяти.

В конечном счёте свобода в «Выборе» оказывается связана не с возможностью изменить всё, а с возможностью изменить то, что находится в сфере собственного настоящего. Эгер не может вернуть родителей, отменить пережитое или изменить историю. Но она может выбрать, будет ли прошлое оставаться источником бесконечного самообвинения или станет частью осмысленной биографии. Именно этот переход и составляет основу внутреннего освобождения.

Проведённый анализ показывает, что проблема свободы в книге Эдит Евы Эгер «Выбор» раскрывается через постепенное движение от внешней несвободы к внутреннему освобождению. Начальная часть повествования связана с опытом концентрационного лагеря, где свобода человека практически полностью уничтожена. Однако именно в этих предельных обстоятельствах возникает вопрос о сохранении внутреннего пространства выбора.

После физического освобождения проблема не исчезает. Напротив, она приобретает новое содержание. Эгер показывает, что человек может покинуть место заключения, но продолжать оставаться пленником собственного прошлого. Воспоминания, чувство вины, страх и подавленная боль способны создавать новую форму несвободы уже после исчезновения внешней угрозы.

Особое значение в этом процессе приобретает память. Она одновременно сохраняет связь человека с прошлым и может препятствовать его движению в настоящее. Поэтому внутреннее освобождение в книге связано не с забвением, а с переосмыслением пережитого. Важнейшим этапом становится отказ от ретроспективного самообвинения и признание того, что человек не мог обладать в прошлом тем знанием и контролем, которыми он располагает в настоящем.

Категория выбора становится связующим элементом всего повествования. Эгер постепенно переносит её из пространства прошлого в пространство настоящего: изменить произошедшее невозможно, однако возможно определить собственное отношение к нему и выбрать дальнейший путь. В этом заключается

основное отличие внутренней свободы от иллюзии полного контроля над жизнью.

Не менее важным оказывается мотив прощения. В книге он не означает оправдания преступления или отрицания исторической ответственности. Прощение прежде всего связано с освобождением самой героини от постоянной власти прошлого. Поэтому возвращение в Аушвиц становится не возвращением к прежней роли жертвы, а попыткой увидеть пережитое с позиции человека, который получил возможность самостоятельно определять настоящее.

Композиция книги — от «Тюрьмы» через «Побег» и «Свободу» к «Исцелению» — отражает этот процесс внутренней трансформации. Физическое освобождение оказывается лишь промежуточным этапом. Настоящая свобода требует более длительной работы памяти, осмысления, принятия и выбора.

Таким образом, Эдит Ева Эгер представляет свободу не как отсутствие любых ограничений, а как способность личности сохранять или вновь обретать субъектность даже после разрушительного опыта. Человек не способен изменить прошлое, но может изменить своё отношение к нему и определить дальнейшее направление собственной жизни. Именно поэтому «Выбор» раскрывает свободу прежде всего как внутреннее самоопределение, а исцеление — как постепенное возвращение человеку права быть автором собственного настоящего.

Список использованных источников

1. Эгер Э. Е., Швалль-Вейганд Э. Выбор. О свободе и внутренней силе человека / пер. с англ. Т. Лукониной, Д. Смирновой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. — 344 с.
2. Джосси Б., Хема Лата Р. Только изменение, а не время исцеляет: исследование травмы в книге Эдит Евы Эгер «Выбор» // Журнал многопрофильных исследований. — 2023. — Т. 2. — № 4. — С. 23–28.
3. Карут К. Неприсвоенный опыт: травма, повествование и история. — Балтимор; Лондон: Издательство Университета Джонса Хопкинса, 1996. — 168 с.
4. Шандс К. В. Принятие выбора: автобиография Эдит Эгер // Южный литературный обзор. — 2022. — 9 марта.
5. Герман Дж. Травма и восстановление: последствия насилия — от домашнего насилия до политического террора. — Нью-Йорк: Основные книги, 1992. — 290 с.
6. Эгер Э. Е. Выбор: принять возможное / при участии Э. Швалль-Вейганд. — Нью-Йорк: Скрибнер, 2017. — 288 с.
7. Фельман Ш., Лауб Д. Свидетельство: кризисы свидетельствования в литературе, психоанализе и истории. — Нью-Йорк; Лондон: Рутледж, 1992. — 320 с.
8. Франкл В. Э. Человек в поисках смысла. — Бостон: Бикон Пресс, 1992. — 184 с.